

Департамент образования г. Москвы
Московский институт открытого образования
Кафедра филологического образования

Московская олимпиада по истории и теории литературы

2009 год

8 класс

I тур

Задание 1.

Прочитайте стихотворение и подробно, доказательно ответьте на следующие вопросы.

1. Как вы видите, автор не дал названия своему стихотворению. Как вы думаете, почему?
2. Попробуйте придумать несколько вариантов заглавий и обосновать свой выбор.
3. Можно ли отнести стихотворение В.Д. Берестова к любовной лирике? Аргументируйте ответ, опираясь на свой читательский опыт.
4. Поясните, какими средствами (композиция, рифма, ритм, образы, синтаксис и т.д.) раскрывается внутренний мир героев стихотворения?

Валентин Берестов

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

Не откликнется, не повернётся,
Не подымет с ладоней лица.
И очнётся, как только дождётся
За окошком улыбки отца.

И подтянет у ходиков гири,
И рванётся навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.

Задание 2.

Прочитайте рассказ А.Т. Аверченко и подробно, доказательно ответьте на следующие вопросы.

1. Какие краски: сатирические или юмористические преобладают в рассказе А.Т. Аверченко? Будь доказателен в защите своей читательской версии.
2. Определи, какое смысл вкладывает в слово «лучше» учительница? А дети?
3. Поясните, доказав текстом, на чьей стороне симпатии автора? А ваши?
4. Какую роль в повествовании играет пейзаж, данный в начале рассказа?
5. Какие чувства вызвал финал рассказа А.Т. Аверченко «Разговор в школе»?
6. Кто из русских писателей XIX — XX веков обращался к теме детства?

Назовите авторов и их произведения.

Поясните, чем их взгляды на ребенка близки взгляду А.Т. Аверченко?

Арк. Аверченко

РАЗГОВОР В ШКОЛЕ

Посвящаю Ариадне Румановой

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующих лагеря. Нет — это были просто два противоположных лагеря. Два непонимающих друг друга лагеря. Два снисходительно относящихся друг к другу лагеря.

Один лагерь заключался в высокой бледной учительнице «школы для мальчиков и девочек», другой лагерь был числом побольше. Раскинулся он двумя десятками стриженных или украшенных скудными косичками головок, склоненных над ветхими партами... Все головы, как единообразно вывихнутые, скривились на левую сторону, все языки были прикушены маленькими мышинными зубенками, а у Рюхина Андрея от излишка внимания даже тонкая нитка слюны из угла рта выползла.

Скрип грифелей, запах полувысохших чернил и вздохи, вздохи — то облегчения, то натуги и напряжения — вот чем наполнялась большая полутемная комната.

А за открытым окном, вызолоченные до половины солнцем, качаются старые акации, а какая-то задорная суетливая пичуга раскричалась в зелени так, что за нее делается страшно — вдруг разрыв сердца! А издали, с реки, доносятся крики купающихся мальчишек, а лучи солнца, ласковые, теплые, как рука матери, проводящая по головке своего любимца, лучи солнца льются с синего неба. Хорошо, черт возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и камнем вылететь из пыльной комнаты тихого училища — побежать по сонной от зноя улице, выделявая ногами самые неожиданные курбеты.

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходит в голову сокрушительный вопрос:

— А зачем, в сущности, учиться? Действительно ли это нужно?

Кругликов Капитон — человек смелый и за словом в карман не лезет.

— А зачем мы учимся? — спрашивает он, в упор глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти от любопытства, отчасти от ужаса, что он осмелился задать такой жуткий вопрос.

— Чудак, ей-Богу, ты человек, — усмехается учительница, проведя мягкой ладонью по его голове против шерсти. — Как зачем? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себе отчет в окружающем.

— А если не учиться?

— Тогда и культуры никакой не будет.

— Это какой еще культуры?

— Ну... так тебе трудно сказать. Я лучше всего объясню на примере. Если бы кто-нибудь из вас был в Нью-Йорке...

— Я была, — раздается тонкий писк у самой стены.

Все изумленно оборачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Откуда?

Очевидно, в школах водится особый школьный бесенок, который вертится между партами, толкает под руку и выкидывает, вообще, всякие кренделя, которые потом сваливает на ни в чем не повинных учеников... Очевидно, это он дернул Наталью Пашкову за жиденькую косичку, подтолкнул в бок, — шепнул: «Скажи, что была, скажи!».

Она и сказала.

— Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну, когда ты была в Нью-Йорке? С кем?

Наталья рада бы сквозь землю провалиться: действительно — черт ее дернул сказать это, но слово что воробей: вылетит, не поймаешь.

— Была... Ей-Богу, была... Позавчера... с папой.

Ложь, сплошная ложь: и папы у нее нет, и позавчера она была, как и сегодня, в школе, и до Нью-Йорка три недели езды.

Наталья Пашкова легко, без усилий, разоблачается всем классом и, плачущая, растерянная, окруженная общим молчаливым презрением, — погружается в ничтожество.

— Так вот, дети, если бы кто-нибудь из вас был бы в Нью-Йорке, он бы увидел огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагонов трамвая, электричество, подъемные машины, и все это — благодаря культуре. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лет этому городу? Лет сто-полтораста — не больше!!

— А что было раньше там? — спросил Рюхин Андрей, выгибая натруженную работой спину так, что она громко затрещала: будто орехи кто-нибудь просыпал.

— Раньше? А вот вы сравните, что было раньше: раньше был непроходимый лес, перепутанный лианами. В лесу разное дикое зверье, пантеры, волки; лес переходил в дикие луга, по которым бродили огромные олени, бизоны, дикие лошади... А кроме того, в лесах и на лугах бродили индейцы, которые были страшнее диких зверей — убивали друг друга и белых и снимали с них скальп. Вот вы теперь и сравните, что лучше: дикие поля и леса со зверьем, индейцами, без домов и электричества или — широкие улицы, трамваи, электричество и полное отсутствие диких индейцев?!

Учительница одним духом выпалила эту тираду и победоносно оглядела всю свою команду: что, мол, съели?

— Вот видите, господа... И разберите сами: что лучше — культура или такое житье? Ну, вот ты, Кругликов Капитон... Скажи ты: когда, значит, лучше жилось: тогда или теперь?

Кругликов Капитон встал и, после минутного колебания, пробубнил, как майский жук:

— Тогда лучже.

— Что?! Да ты сам посуди, чудак: раньше было плохо, никаких удобств, всюду звери, индейцы, а теперь дома, трамваи, подъемные машины... Ну? Когда же лучше — тогда или теперь?

— Тогда.

— Ах ты, Господи... Ну, вот ты, Полторацкий, — скажи ты; когда было лучше: раньше или теперь?

Полторацкий недоверчиво, исподлобья глянул на учительницу (а вдруг единицу вкатит) и уверенно сказал:

— Раньше лучше было.

— О, Бог мой!! Слизняков, Гавриил!

— Лучше было. Раньше.

— Прежде всего — не раньше, а раньше. Да что вы, господа, — затмение у вас в голове, что ли? Тут вам и дома, и электричество...

— А на что дома? — цинично спросил толстый Фитюков.

— Как на что? А где же спать?

— А у костра? Завернулся в одеяло и спи сколько влезет. Или в повозку залезь! Повозки такие были. А то подумаешь: дома!

И он поглядел на учительницу не менее победоносно, чем до этого смотрела она.

— Но ведь электричества нет, темно, страшно...

Семен Заволдаев снисходительно поглядел на разгорячившуюся учительницу...

— Темно? А костер вам на что? Лесу много — жги сколько влезет. А днем и так себе светло.

— А вдруг зверь подберется.

— Часового с ружьем нужно выставлять, вот и не подберется. Дело известное.

— А индейцы подберутся сзади, схватят часового да на вас...

— С индейцами можно подружиться. Если хорошие племена, приличные.

— Делаварское племя есть, — поддержал кто-то сзади. — Они белых любят. В крайнем случае можно на мустанге ускакать.

Стриженные головы сдвинулись ближе, будто чем-то объединенные, — и голоса затрещали, как сотня воробьев на ветках акации.

— А у городе у вашем одного швейцара на лифте раздавило... Вот вам и город.

— А у городе мальчик недавно под трамвай попал!

— Да просто у городе у вашем скучно — вот и все, — отрубил Слизняков Гавриил.

— Скверные вы мальчишки — просто вам не приходилось быть в лесу среди диких зверей — вот и все.

— А я была, — пискнула Наталья Пашкова, которую не оставлял в покое школьный бес.

— Врет она, — загудели ревнивые голоса. — Что ты все врешь да врешь. Ну, если ты была — почему тебя звери не съели, ну, говори?

— Станут они всякую заваль лопать, — язвительно пробормотал Кругликов Капитон.

— Кругликов!

— А чего же она... Вы же сами говорили, что врать — грех. Врет, ей-Богу, все время.

— Не врать, а лгать. Однако послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну, как же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперь есть и хлеб, и масло, и сахар, и пирожное, а раньше этого ничего не было.

— Пирожное!!

Удар был очень силен и меток, но Кругликов Капитон быстро от него оправился.

— А плоды разные: финики, бананы — вы не считаете?! И покупать не нужно — ешь сколько влезет. Хлебное дерево тоже есть — сами же говорили... сахарный тростник. Убил себе бизона, навялил мяса и гуляй себе, как барин.

— Речки там тоже есть, — поддержал сбоку опытный рыболов. — Загни булавку да лови рыбу сколько твоей душеньке угодно.

Учительница прижимала обе руки к груди, бегала от одного к другому, кричала, волновалась, описывала все прелести городской безопасной жизни, но все ее слова отбрасывались упруго и ловко, как мячик. Оба лагеря совершенно не понимали друг друга. Культура явно трещала по всем швам, энергично осажденная, атакованная индейцами, кострами, пантерами и баобабами...

— Просто вы все скверные мальчишки, — пробормотала уничтоженная учительница, лишней раз щегольнув нелогичностью, столь свойственной ее слабому полу. — Просто вам нравятся дикие игры, стрельяние из ружья — вот и все. Вот мы спросим девочек... Клавдия Кошкина — что ты нам скажешь? Когда лучше было — тогда или теперь?

Ответ был ударом грома при ясном небе.

— Тогда, — качнув огрызком косички, сказала веснушчатая бледнолицая Кошкина.

— Ну, почему? Ну, скажи ты мне — почему, почему?..

— Травка тогда была... я люблю... Цветы были.

И обернулась к Кругликову — признанному специалисту по дикой, первобытной жизни:

— Цветы-то были?

— Сколько влезет было цветов, — оживился специалист, — огромные были — тропические. Здоровенные, пахнут тебе — рви сколько влезет.

— А в городе черта пухлого найдешь ты цветы. Паршивенькая роза рубль стоит.

Посрамленная, уничтоженная учительница заметалась в последнем предсмертном усилии:

— Ну, вот пусть нам Катя Иваненко скажет... Катя! Когда было лучше?

— Тогда.

— Почему?!!

— Бизончики были, — нежно проворковала крохотная девочка, умильно склонив светлую головушку набок.

— Какие бизончики?.. Да ты их когда-нибудь видела?

— Скажи — видела! — шепнула подталкиваемая бесом Пашкова.

— Я их не видела, — призналась простодушная Катя Иваненко. — А только они, наверное, хорошенькие...

И, совсем закрыв глаза, простонала:

— Бизончики такие... Мохнатенькие, с мордочками. Я бы его на руки взяла и в мордочку поцеловала...

Кругликов — специалист по дикой жизни — дипломатично промолчал насчет неосуществимости такого буколического намерения сентиментальной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосом:

— Ну, хорошо же! Если вы такие — не желаю с вами разговаривать. Кончайте решение задачи, а кто не решит — пусть тут сидит хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И все решили задачу, кроме бедной, чистой сердцем Катерины Иваненко: бизон все время стоял между ее глазами и грифельной доской...

Сидела маленькая до сумерек.